

5 ОКТ 1980

ТРУД
«МОСКВА»

О ТРУДНО сказать, когда именно пришла к Александру Абдулову его сегодняшняя удивительная популярность. После телефильма «Обыкновенное чудо», где он сыграл Медведя? После недавней картины по пьесе А. Володина «С любимыми не расставайтесь»? Но и до того были у него роли в кино, был громкий, заметный дебют в Театре имени Ленинского комсомола, где событиями стали его Плужников из спектакля «В списках не значился», его Никита в «Жестоких играх». Еще студентом ГИТИСа он снялся в приключенческой ленте «Золотая речка»...

Популярность не явилась неожиданно, и Абдулов не из тех, кто однажды «проснулся знаменитым». Успех он отвоевывал. Не только своим несомненным обаянием. Не только талантом, который далеко еще не полностью открыт и реализован. Но и трудом. У него характер, хоть и легкий, и веселый, но — трудяги. Без работы — непрерывной и напряженной — ему скучно. За пять-шесть лет он сыграл уже множество ролей в кино, театре, на телевидении, работал серьезно, с полной отдачей, подчас мужественно борясь с посредственной драматургией, постоянно что-то придумывая. Оттого и герои его всегда интересны нам напряженной внутренней жизнью, которую мы в них ощущаем. И обаятельны они совсем не потому, что у актера, как принято говорить, обаятельная внешность. Они — живые, и мы чувствуем их нерв, их пульс.

Популярность Абдулову принесли кино и телевидение — искусства массовые. А домом своим он все равно считает театр. Вот и разговор наш идет в гримерной «Ленкома», где актеру через пару часов выходить в роли мятежного Хоакина Мурьеты.

— Почему мне в театре интереснее? Здесь полнее чувствуешь, что занят творчеством. У меня есть три часа сценического времени, и тут

значительном и обыденном, и только, допустим, руки выдадут, насколько нам тяжело. Обратите внимание, как мы вообще сегодня все разговариваем. Одновременно что-то делаем, о чем-то еще подспудно думаем, держим в голове напряженную программу дня, всегда мучит необходимостью срочно куда-то бежать... Вот если я чувствую на сцене, на экране эти интонации, эту атмосферу нашей сегодняшней жизни —

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

АЛЕКСАНДР АБДУЛОВ

уж только от меня зависит, получится роль или нет. Я вышел на сцену, я работаю, я отвечаю за все. И если плохо — не на кого свалить вину.

Такого ощущения нет в кино. Там с твоей ролью могут сделать все что угодно. Могут перемонтировать, переозвучить, наложить другую реплику. Что-то важное вообще выбросить при монтаже. Получается: это уже не я сыграл, это меня «слепили». И еще. Как вообще играть трагедию «в десяти дублях»? Ведь говорят же, что мгновения настоящей актерской работы неповторимы!

Киноартисты любят рассказывать о том, как они на съемках прыгают с лошади, купаются в ледяном море. Это, разумеется, эффектно. Реже говорят о том, что «героизм» этот мог бы подчас и не понадобиться вообще, будь люди на площадке чуть организованней, чуть профессиональней. Недавно, снимаясь в новой картине, я должен был прыгать в море. Поздняя осень. Балтика, ветер. Выхожу мокрый с головы до ног. Но оператор, оказывается, не смог «поймать» прыжок в кадр. Шесть дублей сняли! И отнюдь не из творческих соображений. Что-то не сработало, кто-то прозевал момент...

А ведь в том же кино бывает совершенно иначе. До сих пор вспоминаю, как слаженно работала группа фильма «Двое в новом доме», которой руководил дебютант в игровом кино режиссер Тофик Шахвердиев. Счастливыми днями стала для меня работа с Марком Захаровым над телефильмами «Обыкновенное чудо» и «Тот самый Мюнхгаузен». Захаров необычайно взыскателен к себе и от других требует боевой готовности номер один. Он не просто талантливый режиссер, не только человек увлеченный и умеющий увлечь всех вокруг. Он педагог. Каждый раз ставит планку на какую-то новую высоту. И надо прыгать, хотя не всегда известно — как. Надо искать, придумывать — а это в искусстве самое интересное. Знаю, что такая же атмосфера в группах Никиты Михалкова. Но это — скорее исключения, чем правило.

— То, о чем вы говорите, помо-ему, очень важно — ведь с этого и начинаются в искусстве те послабления самому себе, которые приводят к творческим компромиссам. И актер, который хотел бы сполна «прожить» свою роль, вынужден играть «на технике», на штампах, ибо где уж тут вся внутреннюю сосредоточенность, взять нужно шесть часов ждать, пока установят свет! Как вы вообще относитесь к упованиям на актерскую технику?

— Я этих упований не понимаю. Я не понимаю, когда партнерша по сцене, отвернувшись от зрителя, усиленно воли «выжисает» зрелу. Усила она старательно «доносит» свой текст, прорабатывая его модуляциями голоса так, что зрителю уж и думать ни о чем не остается. Ведь что такое слово? Это же только обрывочная тень той колоссальной нервной работы, которая совершается в нас. Мы можем сообщить об огромном горе так, как говорим о чем-то не-

мне сразу становится интересно. И смотреть. И играть именно так. Искусство должно резонировать с нашей душой, с нашими сегодняшними днями независимо от того, что разыгрывают на сцене — сказку или быль, классику или современную драму.

— За короткий срок вы сыграли очень много ролей...

— ...и много плохих. А что делать! Отказываться? Но ведь каждый раз есть надежда, что свершится «обыкновенное чудо», фильм сложится, как это бывает, если собираются увлеченные, талантливые люди. Все настоящие чудеса, как известно, рукотворны. Но все-таки трудно понять, почему и в кино, и в театре мы так часто берем заведомо слабый материал и вступаем с ним в форменное единоборство. Играешь некоего безликого Тюткина и упорно пытаешься вложить в него Раскольникова. А зачем? Ведь есть Раскольников! Есть множество прекрасных пьес, ролей. Но так мало надежды их сыграть. Я безумно хочу, например, играть Достоевского. Играть Ануя. Но никогда не доводилось. Актер не хозяин своей судьбы, к сожалению. Может быть, на склоне лет, маститый и облеченный званиями, он позволяет себе иногда подойти к режиссеру и предложить себя в Гамлеты — да уж тогда ведь поздно...

— Но если пустить свою лодку на волю воли, можно основательно застрять в какой-нибудь лагуне...

— На этот счет мой отец — он был главным режиссером Ферганского театра — мне говорил так: искусство — дикий мустанг, на котором еще надо уметь удержаться. Чуть сделаешь себе послабление, и он тебя сбросит.

Мне из актеров интереснее всего те, кого нельзя заранее вычислить — что он сделает дальше. Так, например, работает Марина Неелова. И внутри одной роли, и вообще во всем своем творчестве.

Хочу брать за неожиданное. Вот сейчас снимаюсь у режиссера Вадима Дербенева в экранизации романа Коллинза «Джентльмен в белом». Все, сказал я себе, только одна эта роль, больше ни на что отвлекаться не буду. Но вскоре предложили материал удивительно интересный — в фильме молодого режиссера Алексея Малюкова «34-й скорый». Вообразите замкнутое пространство идущего поезда, где вспыхивает катастрофический пожар. Условия экстремальные, критические, и люди проявляются здесь самым неожиданным образом. Мой герой, кажется, и благополучен, и обаятелен, и интеллигентен, но копни поглубже — и такую тьму в душе обнаружишь... Возможность копнуть поглубже — самый счастливый случай для актера, как же мне от такой роли отказаться!

— Это в кино. А что нового в театре?

— Скоро выпускаем рок-оперу «Юнона и Авось». Музыку написал А. Рыбников, пьесу — А. Вознесенский. И начинаем работать над Островским — репетирую Глумова!

Беседу вел В. Кичин.